

— Все, Андрюха, пошли домой! — завязав на проволоку ворота телятника, усталю вытер пот Ванька.

Андрей Баксанов и Иван Зорькин — друзья «с пеленок». Так уж сложилось в их жизни, что родились они в одном селе, в один год и с детства были неразлучны.

По окончании сельской «семи-летки» определил ребят председатель в колхозные скотники. Зная про дружбу, не стал разлучать и дал им работу в одном телятнике. Колхозный телятник располагался сразу же за частными огородами, чернея толстой соломенной крышей. Делился он на две половины, в одной было стадо Андрея, в другой — Ивана. А посредине стояли изгрызанные ясли, у которых фыркал привязанный уздой их старенький мерин Карька. Карька хоть и стар, но был еще вынослив и вполне справлялся со своей работой.

— Подожди, я сейчас! — ответил Андрей и шагнул к конским яслям.

Под яслями, в соломе, сверкая глазами, сторожила телятник дворняжка Жучка. Месяц назад Жучка оценилась, и два щенка, повизгивая, жались у ее теплого бока.

Андрей осторожно взял одного на руки, тот, растопырив лапки, потянулся, сладко зевая. Жучка сердито оскалилась.

— Не рычи, не съем! — погладил ее Андрей, засовывая малыша за пазуху.

— Зачем он тебе? Самим жрать нечего, ты еще щенка в дом тащишь! — неодобрительно пробурчал Иван.

— Маруське отнесу, пусть поиграет с ним. Есть она хочет, все время плачет. Я его потом назад принесу. Ну что, пошли!

Плотно затворив двери коровника, зябко поеживаясь, приятели направились в сторону домов. Солнце уже почти село, и его красный диск висел над белесыми макушками бора. Промерзшая полутьма сразу же обожгла щеки. У ограды огорода друзья, кивнув друг другу, расстались и затрусили к своим избам.

В доме жарко трещала, сверкая яркими разводами, малиновая «голландка».

— Вот молодец, затопил уже! — вваливаясь с клубами мороза, похвалил брата Андрей.

— Я и воды в дом наносил! — засиял довольный Сашка.

Сашка гордился своим старшим братом, а с уходом батьки на фронт старался быть похожим на него.

– Маруся, гляди, что я тебе принес! – скинув валенки и шубу, подал щенка Андрей.

– Ой, какой красивенький! – обрадовалась семилетняя сестричка, прижав его к себе.

Присев на широкую лавку у стола, Андрей стянул с себя заношенные латаные штаны.

– Мы сегодня с Ванькой в амбаре работали, задерни занавески и неси квашню, – шепнул он брату. Тот тенью скользнул к окнам и, гремя в углу материнской утвари, приволок ведерную кадку. Задрав ногу над ней, Андрей медленно развязал у задеревеневшей щиколотки тесьму льняных отцовских кальсон. Из подштанников, шурша ручейком, стекло пшеничное зерно. Подрыгав ногой, он развязал вторую тесьму.

– Ого, сколько, почти полная! – сглотнул слюну Сашка. – А что ежели прознают?

– А ты помалкивай! – показал ему кулак Андрей. – Иди лучше ставь чугунок. А мамка-то где?

– Вот я дурень! – звонко хлопнул себя в лоб Сашка. – Забыл. Вам же повестки принесли из военкомата. Тебе, Ваньке Зорькину, Левке Четвертаку, да Ваське Ревенку с Пашкой Филипенко. Мамка взяла метрики и в сельсовет пошла, ругаться!

Через неделю, морозным утром 1943-го, пятеро худеньких ребят выстроились у стола председателя сельского Совета. Председатель, Михей Савич, пожав руку каждому, начал свою напутственную речь:

– Ну что, хлопцы, не посрамите село наше, отцов...

– Вы посмотрите! Вот ведь ты гад! – гневно прервала его влетевшая Марья. – Сам спрятался, а пацанов под пули посылает! Да им же только что по шестнадцать исполнилось, они же еще дети! – гневно трясла она метрикой у лица побагровевшего председателя. – Я до Сталина дойду!

– Ты, Марья Абрамовна, языкто придержи! С властью разговариваешь, – опомнился от ее напора Михей Савич. – Никто их под пули не посылает, они едут в училище. Год будут учиться, а там, может, и война кончится.

– Мам, зачем ты меня позоришь! – с укором посмотрел на нее Андрей.

– Андрюша, сынок, убьют же тебя там! – лобзала своего первенца Марья. От ее слов, хором завыли слезившиеся мамки, провожавшие свои кровинушки.

– Хватит лить слезы! В восемнадцать ноль-ноль они должны быть в военкомате. А то по законам военного времени, сами знаете, что бывает. – прервал проводы председатель.

Обняв в последний раз родных, прижавшись друг к дружке, новобранцы уселись в сани. Возчик Семен взмахнул кнутом.

Через неделю, с эшелонотакими же «безусых», прибыли ребята в свердловское пехотное училище.

– Сибиряки – это хорошо! – построил после бани курсантов тучный старшина. – Худые-то какие! Но ничего, мы вас откормим.

– Мы не свиньи, чтобы нас откармливать! – зло ответил ему Васька Ревенко.

– Во как! – растерялся старшина. Покашляв немного, смущенно добавил: – Ну ничего, ребятки, на фронт вам не завтра, за годок силенок поднаберетесь.

На следующий день друзьями зачислили в третью учебную роту, роту майора Бирюкова. Бирюков был строг, но обладал огромным опытом войны и, не щадя, учил своих всем тонкостям этой кровавой драки.

Месяц учебы пролетел как ураган. График был плотным, измотанные курсанты падали замертво после отбоя. Не спал лишь один Лёвка. Забравшись под одеяло, он часами читал псалмы. Но однажды среди ночи Андрея разбудили его всхлипы и голоса.

– Ну не плачь, потерпи, – успокаивал Лёву Пашка.

– Тебе хорошо, – рыдал тот. – Ты смелый, а я от страха млею, и меня в первом же бою убьют. Все, не могу больше. Завтра пойду в политотдел и попрошусь в писаря.

– Что это с ним, – сонно спросил Андрей у Ивана.

– Похоже, псалмы кончились, и истерика началась у нашего Исусика, – усмехнулся тот. – А ну-ка ты, падла, заткнись! – злобно оторвался он от подушки. – Пока я тебе морду не набил. Не так завоешь, гад!

Утром с подъема Лёва ушел в штаб. Вернулся он до утреннего осмотра, второпях собрал свои вещи и протянул на прощание руку. Друзья молча отвернулись от него.

Хорошие хлеба уродились в срок третьем на Алтае. Изматывая себя, бились люди за урожай. На железнодорожный элеватор бесконечной вереницей шли хлебные обозы. По стране катился лозунг «Все для фронта, все для победы!»

Вместе со всеми от зари до зари трудилось и село Боровянка.

Солнечным днем, в обед, отложив серпы, прилегли в кружок боровянские бабенки. Чуть поодаль от них собралась в стайку детвора.

– Дашка, ну-ка подь сюда, – махнула белым треугольником Марья Баксанова. – Почитай-ка нам, что мой Андрюшка пишет!

Пятиклассница Дашка была почитаемой в среде сельчан. Она без запинки и с выражением читала все солдатские письма. Усевшись по-взрослому в круг, Дашка грациозно развернула треугольник. Настала гробовая тишина.

«Здравствуйте, мои родные мама, братик Сашка и сестричка Маруся! Наконец-то выпало время написать вам письмо и сообщить о себе. Сейчас мы учимся в Свердловске...»

– Во как! Значит, они в самом Екатеринбурге, едрит те! – প্রশামকাল подошедший водовоз дед Федор. – Бывал я там в империалистическую...

– Увянь, дед! – зашипели на него возмущенные бабы. – Читай дальше, Дашка!

«...Мы все в одном учебном взводе, даже кровати у нас рядом. Правда, Левка Четвертак ушел в писаря, струсил. Но нам без него лучше, спим спокойно, никто не воеет по ночам...» – услышав это, сестра Левы, Маня Четвертак, густо покраснела и опустила голову.

«...Учат нас ратному делу, в классах и на полигоне. Мы уже овладели всеми видами пехотного вооружения. Готовят из нас командный состав для Красной армии. Кормят хорошо. Ванька, Васька, Пашка целуют своих близких, и все вместе мы шлем нашему селу огромный привет!..» Прочтя это, Дашка выдержала паузу. Выждав, пока бабенки смахнут кончиками платков слезу, продолжила:

«...Как вы там, мама? Как Сашка с Маруськой? Сашка, смотри не обижай сестру, приеду, уши

оторву. Лучше помогай матери. Пишите на этот адрес. Целую всех. Ваш Андрей. 19. 08. 1943 г.»

– Вот так! – пряча письмо в кофту, с гордостью произнесла Марья. – Сынки-то наши на командиров учатся. Родину будут защищать, а не хомуты за огородами шить, – с презрением посмотрела она в сторону Раи Стебец.

Муж Раи служил в Барнауле шорником. Устроился, видать, неплохо, судя по его частым посылкам. И обнищавшие сельчане откровенно недолюбливали его семью.

Побледнела от гнева Рая, рука ее машинально потянулась к серпу.

– Попробуй только. Я не Наташка Крюкова, которую ты за волосы таскала. Я тебя так этим серпом отделаю, что ты меня век помнить будешь! – зло предупредила ее Абрамовна.

Зыркнула глазами Рая, но тут же в испуге задрожала ее рука.

В боях за Сталинград и у Курска Красная армия потеряла почти весь младший комсостав. Захватывая инициативу в войне, Ставка разработала новый план наступления. Фронт требовал пополнения. Не довелось ребятам доучиться до офицерских погон. В сентябре их выпустили досрочно, сержантами. На прощание начальник учебной части заверил, что все они направляются на должность командиров взводов, а чуть позже будет разослан по частям приказ о присвоении им лейтенантских званий.

215-я дивизия, в которую они прибыли, вела бои с целью выйти к Днепру.

– Молодые, зеленые, да еще и сержанты, – недовольно осмотрел

выстроившееся пополнение командир дивизии. – Раскидайте их по полкам на должность командиров отделений, не потянут они взвода, – сухо отдал он приказ начальнику штаба.

– Товарищ полковник! – вдруг шагнул из строя Ревенко. – Мы из одного села, в одном классе учились, можно нам в одном полку воевать?

Обернулся, посмотрел удивленно на него комдив.

– Ну и где же твои одноклашки? – обвел он взглядом строй.

Четко, по-уставному, один за другим земляки вышли из строя.

– Вот теперь я их вижу! – улыбнулся полковник. И из какого же вы села будете?

– Мы с Алтая! Село Боровянка, – бойко ответил Ревенко.

– Сибиряки значит, это хорошо! Васильев, направьте их в 711-й, там у них большие потери.

Во второй половине ноября, получив пополнение и боеприпасы, 711-й полк начал наступление на Дубровино. Немцы сопротивлялись отчаянно. Второй роте старшего лейтенанта Бухтоярова с трудом удалось отбить у них деревню Петрики. В этом бою героически погиб помкомвзвода сержант Василий Ревенко.

Атаку на село начали с утра, под моросящий осенний дождь. Но на подходе попали под шквальный огонь дзота. Рота залегла, притихла. Лишь на правом фланге кто-то отчаянно лупил по амбразуре из «дегтяря».

Василий скинул шинель и, жмякаясь в грязь, пополз на немецкий пулемет. Взрывы его гранат прогремели один за другим. Пулемет умолк. Ревенко вскочил и, поднимая роту, взмахнул рукой. Но не

успел он сделать и трех шагов, как пристрелочный немецкий снаряд разорвался у его ног.

Несмотря на большие потери, 711-й полк продолжал рваться к Днепру. Особенно жаркие бои развернулись у его подступов в конце ноября.

Выбив противника из деревни Пуцаи, вторая рота окопалась на околице. Но утром 29 ноября Бухтояров получил приказ и двинул своих к железнодорожному полотну. Немцы остановили их атаку и при поддержке двух танков контратаковали роту. Попав под огонь немецких танков, бойцы дрогнули, стали пятиться к своей позиции. До окопов оставалось метров триста, когда вражеский снаряд уничтожил их пулеметный расчет. Без поддержки огнем, положение роты стало критическим. Пули валили со стоном отступавших. Отстреливаясь, Басканов и Филипенко тащили раненого в живот Зорькина.

– Пашка! – орал Андрей Филипенко. – Я один дотащу! Дуй к «станкачу»!

Филипенко, оставив их, рванул к окопам и, обливаясь потом, поднял перевернутый взрывом «максим». Его огонь помог остаткам роты добраться до окопов. Позиция ошетибилась ответным огнем. Андрей аккуратно уложил в нишу посиневшего Ивана.

– Ты потерпи пока. – засовывая за пояс гранаты, горячо шептал он умирающему другу. – Я сейчас, я только Пашке помогу!

А тот, закусив губу, бил по смотровым щелям танка. Но пули рикошетом отлетали от брони.

– Секи пехоту! – выполз на бруствер Андрей.

Кивнув ему, Филипенко перенес огонь на пехоту. Он не видел, как с лязгом слетела гусеница немецкого танка, как следом, вспыхнул мотор. Разорвавшийся вблизи снаряд прошил его тело осколками.

Бросив в бой последние резервы, командир 711-го полка удержал деревню и устранил попытку немецкого прорыва. Через двое суток полк ушел вперед, а в село полетели похоронки, похоронная команда стала собирать убитых.

– Совсем еще дети, – выжал слезу седой сержант, укладывая в телегу юные тела.

Более семидесяти лет уж минуло с того дня. Время зарубцевало шрамы земли. Осыпались и заросли травой кровавые солдатские траншеи. Но стоит в Белоруссии у деревни Петрики обелиск. Сияют гранитные плиты с именами павших за нашу Родину. Тихо вокруг, шумят лишь березы, да качают головками полевые цветы. Лежат здесь в братской могиле четверо ребят из далекого сибирского села.

А где-то там, вдалеке от них, в алтайской деревне, среди кладбищенских крестов, красуется свежая могила с мраморным памятником. На полированном мраморе – орден Отечественной войны и надпись: «Четвертак Лев Маркович, 1926 – 2014», а чуть ниже: «Защитнику Отечества от Министерства Обороны РФ».

